

Кислицына Елена Владимировна,
магистрант ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров, Российская Федерация
Yulya.kislitsyna.16@gmail.com

Донога Людмила Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация
donogaliudmila@gmail.com

Особенности саморегуляции поведения у осужденных

Аннотация. Проблема саморегуляции поведения осужденных является актуальной в контексте необходимости их успешной дальнейшей социализации и предотвращения рецидивов. Цель исследования заключалась в определении особенностей саморегуляции поведения у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. В результате эмпирического исследования выявлено, что у осужденных показатели общего уровня саморегуляции и большинства ее компонентов (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость), а также индексы настойчивости, самообладания и волевой саморегуляции достоверно ниже, чем у законопослушных граждан. При этом показатель самостоятельности у осужденных значимо выше.

Ключевые слова: осужденные, законопослушные граждане, саморегуляция поведения, общий уровень саморегуляции, компоненты саморегуляции, индексы волевой саморегуляции.

Раздел: 5.3. Психология.

Введение

Концепция саморегуляции личности развивалась на фоне расширения философских знаний и изначально отражала представление о внутренней силе человека, способной контролировать внешние нецелесообразности при помощи душевных усилий. Научное же изучение саморегуляции как специфического явления в живых системах началось в начале XX века. Именно тогда термин «саморегуляция» начал активно использоваться в физиологии, системном анализе и стал встречаться в рамках таких концепций, как равновесие, адаптация и гомеостаз.

Согласно Л. Е. Панину, первым, кто обратил внимание на способность организма поддерживать постоянство внутренней среды в условиях изменчивой внешней среды, был К. Бернар [1]. Эта идея в итоге положила начало дальнейшим исследованиям в области саморегуляции в различных научных дисциплинах.

В целом концепции саморегуляции в современной научной литературе можно разделить на две основные группы. Одни исследователи рассматривают саморегуляцию как проявление внутренней активности человека и акцентируют внимание на внутренних механизмах регулирования поведения и психических процессов.

Так, О. А. Конопкин определяет термин «саморегуляция» как системно организованный процесс внутренней психической активности, который включает инициацию,

структурирование, поддержание и управление различными видами и формами произвольной деятельности, направленной на достижение целей, которые человек ставит перед собой [2]. Иными словами, саморегуляция описывается как направленная внутренняя активность, в ходе которой мобилизуются различные психические процессы, явления и уровни, работающие на достижение личностных целей. Этот процесс позволяет человеку эффективно управлять своим поведением и психическим состоянием в соответствии с поставленными задачами и условиями внешней среды.

Делая акцент на личностной детерминации индивидуальных способов саморегуляции произвольной активности человека, В. И. Моросанова определяет саморегуляцию как активность человека, направленную на организацию и контроль своего поведения, деятельности, психических состояний и процессов, которая осуществляется с учетом потребностей, мотиваций и смысловых конструкций личности. Так, автор данной концепции вводит понятие индивидуального стиля саморегуляции. Этот стиль представляет собой индивидуально-типические способы управления произвольной активностью, характеризующиеся такими регуляторными процессами и личностными свойствами, как планирование, моделирование, программирование, контроль и оценка [3].

Согласно мнению Л. П. Гримак, саморегуляция заключается в том, что она служит инструментом для поддержания и защиты целостности психики личности и включает в себя самоконтроль, управление собственным поведением и активностью, что является психофизиологическим аспектом волевого процесса. Этот процесс необходимо рассматривать как важную составляющую волевой регуляции поведения личности [4].

И. И. Чеснокова определяет саморегуляцию как процесс, который включает в себя самопознание и формирование эмоционально-ценностного отношения к своей личности. Ученый различает два аспекта саморегуляции: регулирование конкретных поведенческих актов и саморегуляцию, которая связана с планированием и осуществлением целенаправленных изменений в себе, то есть с самовоспитанием [5]. Такой подход к саморегуляции подразумевает, что человек не только контролирует свои непосредственные реакции, но и работает над долгосрочными изменениями в своих установках и поведении.

Вторая группа ученых, таких как Ю. А. Голиков и А. Н. Костин [6], подчеркивает важность взаимодействия человека с внешней средой в контексте саморегуляции. Подходы этих исследователей сконцентрированы на том, как внешние факторы влияют на способность человека адаптироваться и регулировать свои действия и состояния в ответ на изменения окружающей среды. В совокупности эти работы предоставляют различное понимание саморегуляции.

Анализ показывает, что чаще акцентируется внимание на внутренней активности и механизмах саморегуляции поведения. Первый подход подчеркивает значимость самоконтроля, самопознания и личностной детерминации. В то же время интерес к влиянию внешней среды на процессы саморегуляции также возрастает, особенно в контексте исследований, связанных с социальной психологией и адаптацией к меняющимся условиям.

Таким образом, саморегуляция – это системно организованный процесс внутренней психической активности, направленный на организацию, управление и контроль поведения, деятельности и психических состояний человека. Саморегуляция поведения заключается в способности поддерживать целостность психики, обеспечивая самоконтроль и управление поведением. Именно поэтому ее недостаточное развитие, по мнению Э. Биллен, К. Гарофало, Дж. А. Уэллер, является основным предиктором преступности и девиантного поведения [7], что может еще больше усугубляться в местах лишения свободы.

Эксперт в области пенитенциарной психологии Е. В. Чернышева подчеркивает, что постоянное напряжение и психические раздражители могут существенно снижать

способность осужденных к адекватной адаптации, что зачастую ведет к рецидиву и осложняет процесс ресоциализации [8]. Известно, что процесс адаптации тесно связан с процессом саморегуляции человека. Поэтому проблема саморегуляции поведения у осужденных является достаточно актуальной. Однако в настоящее время этой проблеме не уделяется должного внимания, так как не выявлены условия, которые определяли бы содержание, методы и направления работы по коррекции саморегуляции поведения у осужденных. Следует отметить, что на сегодняшний день исследований, посвященных вопросам саморегуляции осужденных, нет. В основном исследования саморегуляции проводились в рамках детского и подросткового периода, а у взрослых людей данный вопрос исследуется активно лишь в последнее время. При этом стоит отметить повышенное внимание исследователей к вопросам саморегуляции поведения у сотрудников полиции и ФСИН, хотя, на наш взгляд, психологические особенности осужденных показывают, что подобные исследования в большей степени актуальны как раз в их отношении. Среди таких исследований можно отметить работу И. Н. Коноплевой [9]. Автор определил, что у осужденных, совершивших преступления при рецидиве, более низкая потребность в планировании своей деятельности по сравнению с впервые осужденными. Также выделяются: низкий уровень самостоятельности и сложности с самостоятельным планированием программы своих действий, низкий эмоциональный отклик на неудачи в достижении поставленных целей, высокая активность и стремление к общению, но при этом низкий уровень социальной пластичности – неумение учитывать мнение и интересы других людей. Они испытывают сложности с перестройкой своего поведения в изменившихся условиях. В целом для них характерен более низкий общий уровень саморегуляции по сравнению с впервые осужденными.

Исследование, проведенное Э. В. Зауторовой и Ф. И. Кевли, фокусируется исключительно на волевой саморегуляции осужденных, но не содержит конкретных эмпирических данных, подтверждающих сделанные выводы [10]. В то же время эмпирические данные по волевой саморегуляции можно найти в работе Н. Г. Соболева, Е. С. Лобановой и А. Н. Михайлова [11].

Таким образом, несмотря на значительное количество исследований в области саморегуляции поведения, специфика этой проблемы именно у осужденных изучена недостаточно и требует дальнейшего научного осмысления.

Цель исследования – определить особенности саморегуляции поведения у лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Гипотеза исследования: предполагается, что уровень саморегуляции поведения осужденных по сравнению с законопослушными гражданами имеет статистически значимые различия, при этом у осужденных ее уровень ниже.

Задачи исследования:

1. Организовать эмпирическое исследование особенностей саморегуляции поведения осужденных.
2. Провести анализ особенностей саморегуляции поведения осужденных и сравнить характеристики с контрольной группой законопослушных граждан.

Методология и результаты исследования

Исследование проходило на базе ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Кировской области. Для выявления особенностей саморегуляции поведения осужденных и достижения поставленной цели были подобраны следующие методики, обеспечивающие изучение стратегий поведения осужденных, способствующих саморегуляции:

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой предназначен для анализа и оценки индивидуальных стилей саморегуляции поведения. Основная цель опросника – выявление степени развития навыков саморегуляции у испытуемых, что включает способность планировать, оценивать и корректировать свои действия в соответствии с изменяющимися условиями и личными целями. Опросник включает 46 утверждений, на которые нужно ответить, выбирая один из четырех вариантов («Верно», «Пожалуй, верно», «Пожалуй, неверно», «Неверно»). Опросник охватывает различные аспекты регуляции поведения, такие как планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность и общий уровень саморегуляции, что делает методику многоаспектной и глубокой [12].

2. Опросник оценки уровня волевого самоконтроля А. Г. Зверкова, Е. В. Эйдмана [13]. Цель данного теста заключается в изучении способности человека управлять своим поведением в различных жизненных ситуациях. Он позволяет оценить, насколько хорошо человек может сознательно контролировать свои действия, эмоциональные состояния и мотивационные процессы. Результаты подсчитываются по общей шкале волевой саморегуляции и по двум субшкалам – «настойчивость» и «самообладание», что позволяет выделить конкретные аспекты волевой саморегуляции. В опроснике испытуемым предлагается ответить на утверждения (всего их 30), ставя знаки «плюс» или «минус» в зависимости от того, соответствует ли утверждение личному восприятию. Индексы волевой саморегуляции определяются по сумме совпадений с ключом.

Для статистического сравнения данных использовался U-критерий Манна – Уитни. В исследовании приняли участие 100 респондентов: 50 осужденных общего режима, впервые осужденных по нетяжким статьям, в возрасте от 19 до 43 лет и 50 законопослушных граждан в возрасте от 23 до 39 лет.

Показатели компонентов саморегуляции поведения осужденных и законопослушных граждан, полученные с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой, отражены на рис. 1.

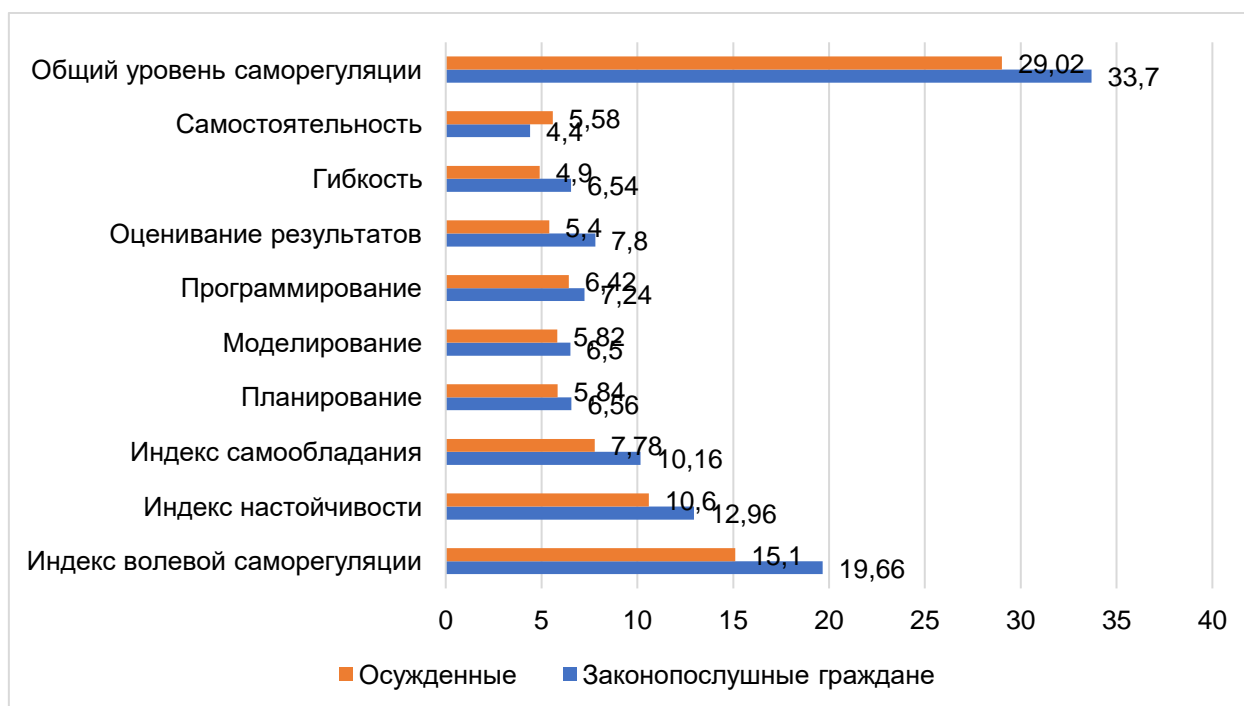

Рис. 1. Показатели компонентов саморегуляции поведения осужденных и законопослушных граждан, средние значения в баллах

Согласно опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой, общий уровень саморегуляции поведения у осужденных составляет $29,02 \pm 4,91$ балла, что составляет верхнюю границу среднего диапазона.

Это позволяет сделать вывод, что участники этой выборки в основном обладают развитыми, но не оптимальными навыками саморегуляции поведения на среднем уровне. Распределение осужденных по уровню саморегуляции поведения представлено на рис. 2.

Из рис. 2 видно, что наибольшую долю составляют осужденные со средним уровнем саморегуляции поведения (29 человек, 58%). Такие люди обладают развитыми навыками саморегуляции, но не доходят до оптимального уровня. Они способны адекватно реагировать на изменения условий и демонстрируют умеренную гибкость в поведении. Однако им еще есть куда стремиться в плане полной независимости от внешних обстоятельств и уверенности в незнакомых ситуациях. 16% (8 человек) осужденных из выборки продемонстрировали низкий уровень саморегуляции поведения.

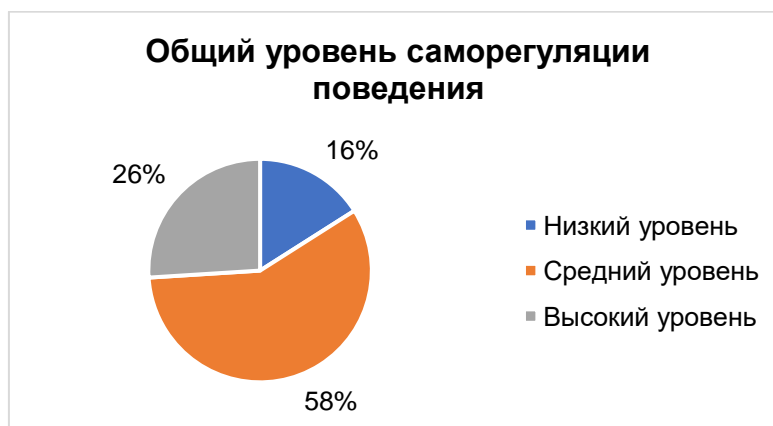

Рис. 2. Распределение выборки осужденных ($n = 50$) с разным уровнем общей саморегуляции поведения по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), %

Такие люди находятся под значительным влиянием внешней среды и окружения и, скорее всего, испытывают трудности в осознанном управлении своим поведением. Они плохо адаптируются к месту лишения свободы. Наиболее выраженным компонентом саморегуляции поведения у осужденных при этом является программирование, а наименее выраженным – гибкость.

Распределение по уровням компонентов саморегуляции поведения представлено на рис. 3. Анализ данных, представленных на рис. 3, позволяет отметить, что большая часть осужденных – 46% (23 человека) – имеет низкий уровень по шкале «гибкость», что указывает на серьезные проблемы с адаптацией у осужденных. Такие осужденные чувствуют себя неуверенно в условиях, которые требуют быстрых изменений или адаптации.

Их регуляторные процессы не позволяют адекватно реагировать на изменения, что затрудняет не только планирование, но и разработку программы действий. Скорее всего, они испытывают трудности в выделении значимых условий и своевременной коррекции своих действий в ответ на изменение обстановки или возникающие несоответствия между ожиданиями и реальностью. У 42% осужденных (21 человек) выявлен средний уровень развития гибкости. Люди в этой категории демонстрируют умеренную способность к адаптации. Они могут справляться с изменениями лучше, но все же не могут полностью эффективно регулировать свои действия в условиях

быстро меняющихся обстоятельств. 12% осужденных (6 человек) обладают высокой регуляторной гибкостью. Они легко адаптируются к новым условиям, быстро оценивают изменения и могут эффективно перестраивать свои действия и поведение в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Эти способности помогают им успешно решать стоящие задачи и снижать уровень неудач.

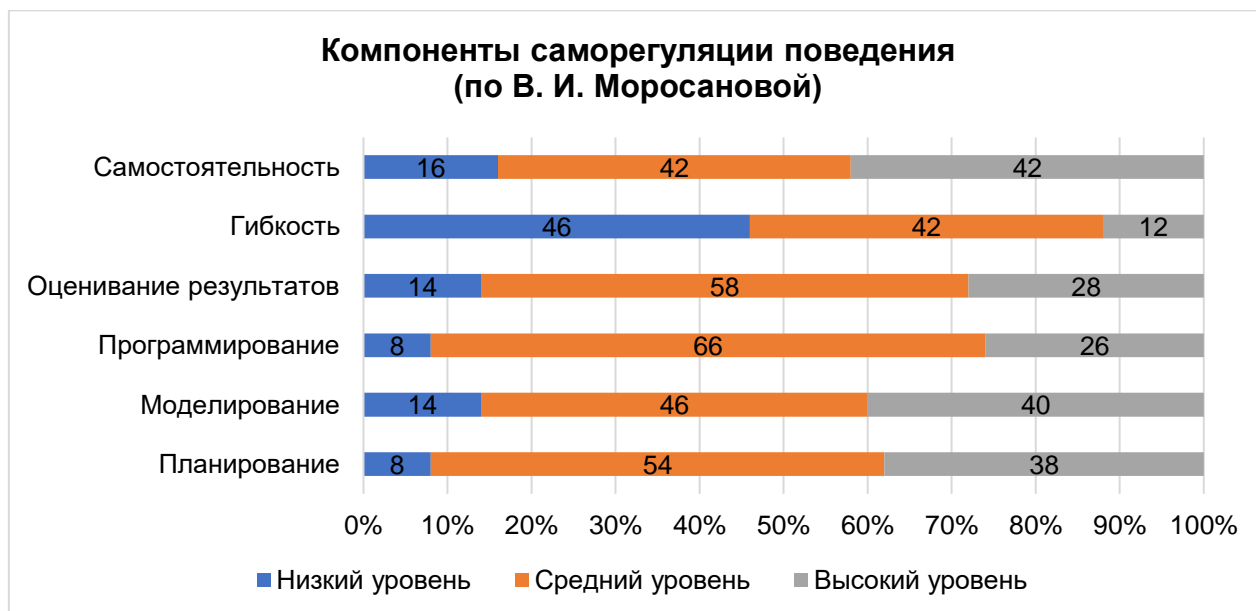

Рис. 3. Распределение выборки осужденных (n = 50) с разными уровнями сформированности компонентов саморегуляции поведения по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), %

По шкале «самостоятельность» для 16% осужденных (8 человек) характерным является низкий уровень самостоятельности. Осужденные в этой категории очень зависимы от мнений и оценок окружающих, а их способность выполнять задачи сильно ограничена. Такие люди склонны следовать указаниям других без критического анализа и часто сталкиваются с трудностями в организации собственной деятельности, особенно в отсутствие четкой внешней поддержки. В то же время по рассматриваемой шкале высокий и средний уровни продемонстрировали по 42% осужденных (по 21 респонденту), что может свидетельствовать о способности осужденных самостоятельно планировать, организовывать и успешно реализовывать задачи, нацеленные на достижение конкретных целей. Они также могут самостоятельно контролировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты своей деятельности.

По шкале «программирование» у большинства участников (66%, 33 человека) был выявлен средний уровень. Данные респонденты способны формировать программы действий для достижения конкретных целей, но их планы могут требовать дополнительной детализации и гибкости. Они могут корректировать свои действия, но данная способность может быть недостаточно развита для обеспечения высокой эффективности. 26% осужденных (13 человек) имеют высокий уровень по шкале «программирование». Это означает, что эти осужденные способны к самостоятельному анализу своих действий и их корректировке, если того потребуют обстоятельства. Оставшиеся 8% осужденных (4 человека) продемонстрировали низкий уровень «про-

граммирования», что говорит об их импульсивности и неспособности продумывать последовательность своих действий, вследствие чего результаты их деятельности часто оказываются неудовлетворительными.

По шкале «планирование», так же как и по шкале «программирование», низкий уровень характерен для 8% осужденных (4 человека), что говорит о сложности с осознанным планированием своих действий данными респондентами. Их планы часто нереалистичны и неструктурированы, а цели ситуативны и часто устанавливаются под влиянием внешних обстоятельств. Отсутствие долгосрочного видения и стабильности в целеустремленности делает их поведение хаотичным и малоэффективным. Средний уровень планирования был выявлен у 54% осужденных (27 человек). Они могут ставить и достигать как краткосрочные, так и среднесрочные цели, однако их стратегии могут требовать уточнения или более глубокой разработки. С высоким уровнем планирования было обнаружено 38% осужденных (20 человек). От остальных осужденных их отличает способность к продуманным и реалистичным стратегиям действий.

По шкале «моделирование» большинство осужденных имеют средний уровень его развития (46% выборки, 23 человека). Они умеют оценивать и планировать, но их реакции могут оказаться недостаточно гибкими при резкой смене обстоятельств. 40% осужденных (20 человек) отличаются высоким уровнем моделирования, что позволяет им точно оценивать окружающие изменения и адаптироваться к ним, они способны гибко перестраивать свои планы и стратегии в ответ на новые обстоятельства. У 14% выборки осужденных (7 человек) выявлен низкий уровень моделирования. Это значит, что такие люди испытывают значительные трудности в детализации значимых внутренних и внешних условий, а их оценка ситуаций и последствий действий часто нереалистична, что может приводить к неадекватным решениям. Они могут не замечать изменений в обстоятельствах, что делает их действия не соответствующими текущим условиям.

Для 14% выборки (7 человек) также характерен низкий уровень оценивания результатов. Такие люди часто не замечают своих ошибок или недостатков в действиях. Они могут пренебрегать важной обратной связью и недооценивать последствия своих поступков, что ведет к повторению ошибок и ухудшению результатов деятельности, особенно в условиях увеличения нагрузок или при встрече с трудностями. Их субъективные критерии оценки успешности неустойчивы и могут легко меняться в зависимости от внешних обстоятельств. Средний уровень развития данного компонента характерен для 58% участников (29 человек) данной выборки. Осужденные достаточно адекватно оценивают результаты своих действий, но могут время от времени сталкиваться с трудностями в точной оценке ожидаемых результатов или их адаптации к изменяющимся условиям. Они способны осознать некоторые свои ошибки и дефекты в действиях, но навыки коррекции могут быть недостаточно развиты для более сложных ситуаций. 28% осужденных (14 человек) обладают хорошо развитыми навыками критической оценки и адаптации и имеют высокий уровень оценивания результатов. Они не только адекватно оценивают факт рассогласования между ожидаемыми и реальными результатами, но и умеют определить причины этих расхождений, что позволяет им быстро адаптироваться к изменениям и эффективно корректировать свои действия.

На основе результатов диагностики по опроснику В. И. Моросановой можно сделать вывод о том, что большинство осужденных демонстрируют средний уровень саморегуляции поведения и развитые базовые навыки управления собственным поведением. Компоненты саморегуляции при этом развиты неравномерно. Наиболее развитым является планирование, что свидетельствует о способности формировать и корректировать планы действий. Гибкость выявлена как наименее развитый компонент, при этом отмечаются трудности с адаптацией к изменяющимся условиям.

По результатам тест-опросника А. В. Зверкова и Е. В. Эйсмана «Исследование волевой саморегуляции» индекс волевой саморегуляции составил $15,1 \pm 4,95$ балла, что в целом соответствует высокому уровню саморегуляции. Таким уровнем, согласно данной методике, обладает 82% (41 человек) осужденных (рис. 4). Для них характерны хорошо развитые навыки контроля над своими поступками и эмоциями. Осужденные с низким уровнем саморегуляции (18%, 9 человек) часто ощущают трудности в управлении своими эмоциями и действиями.

Рис. 4. Распределение выборки осужденных ($n = 50$) с разным уровнем волевой саморегуляции по тест-опроснику «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверков, Е. В. Эйдман), %

При этом наиболее развитым компонентом волевой саморегуляции у осужденных является настойчивость. Распределение по уровням развития каждого из компонентов представлено на рис. 5.

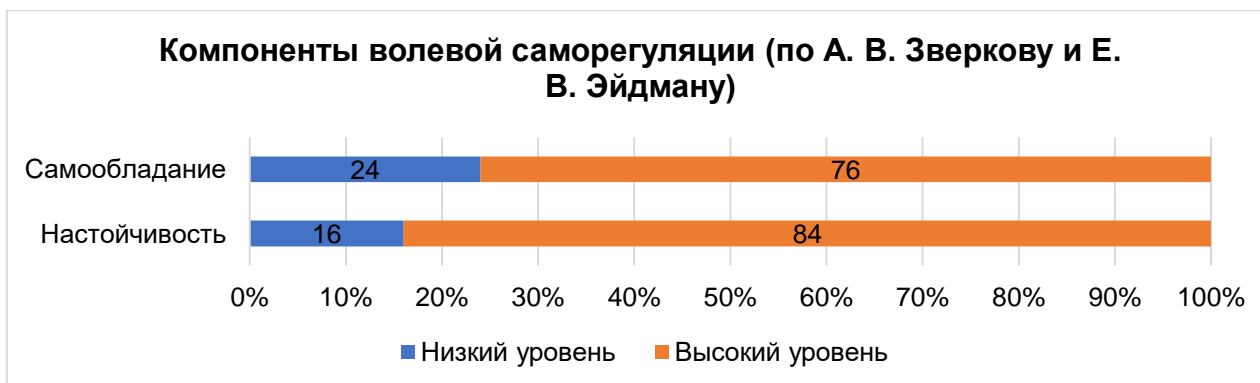

Рис. 5. Распределение выборки осужденных ($n = 50$) с разным уровнем сформированности компонентов волевой саморегуляции по тест-опроснику «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверков, Е. В. Эйдман), в %

Как видно из рис. 5, низкий уровень настойчивости в выборке осужденных выявлен у 16% (8 человек). Такие люди часто сталкиваются с трудностями в завершении начатых дел, что обусловлено их повышенной эмоциональной лабильностью и неуверенностью и делает их поведение непоследовательным и разбросанным.

При этом 24% осужденных (12 человек) имеют трудности с контролем своих эмоциональных реакций и состояний (низкий уровень самообладания). Они более

склонны к спонтанности и импульсивности, что может привести к нестабильному эмоциональному состоянию. Эта группа осужденных может быть более уязвима к внутренним конфликтам, но одновременно более устойчива к интенсивным переживаниям благодаря своему спонтанному подходу к жизни.

Показатели саморегуляции поведения и ее составных компонентов в обеих выборках по обоим методикам, а также результаты их статистического анализа представлены в таблице.

Сравнение показателей саморегуляции поведения и ее компонентов у осужденных и законопослушных граждан (критерий U Манна – Уитни)

Показатель	Законопослушные граждане	Осужденные	U Манна – Уитни	p
Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой				
Планирование	6,56±1,73	5,84±1,73	910,5	0,02
Моделирование	6,5±1,2	5,82±1,57	960	0,04
Программирование	7,24±1,6	6,42±1,44	848	0,01
Оценивание результатов	7,8±1,41	5,4±1,88	390	0,00
Гибкость	6,54±1,46	4,9±1,83	615	0,00
Самостоятельность	4,4±2,26	5,58±1,97	864,5	0,01
Общий уровень саморегуляции	33,7±4,62	29,02±4,91	597,5	0,00
Тест-опросник А. В. Зверкова и Е. В. Эйсмана «Исследование волевой саморегуляции»				
Индекс настойчивости	12,96±2,31	10,6±3,42	702,5	0,00
Индекс самообладания	10,16±2,08	7,78±2,98	628	0,00
Индекс волевой саморегуляции	19,66±3,52	15,1±4,95	539	0,00

Анализ данных показал, что по всем показателям саморегуляции поведения между осужденными и законопослушными гражданами имеются статистически значимые различия.

Наибольшие различия между данными выборками выявлены по индексу настойчивости ($p = 0,00$) и индексу самообладания ($p = 0,00$), что определило значительные различия и в общем индексе волевой саморегуляции ($p = 0,00$); также значимые отличия выявлены по моделированию ($p = 0,00$), оценке результатов ($p = 0,00$) и общему уровню саморегуляции ($p = 0,00$). При этом по всем показателям саморегуляции поведения, кроме уровня самостоятельности, показатели у законопослушных граждан выше, чем у осужденных. Более высокий уровень самостоятельности у осужденных, возможно, связан с необходимостью принимать самостоятельные решения в условиях ограниченной свободы и автономии в местах лишения свободы.

Заключение

Сравнительный анализ показал статистически значимые различия саморегуляции поведения осужденных и законопослушных граждан. При этом по всем ее компонентам, кроме самостоятельности, уровень саморегуляции поведения у осужденных значимо ниже, чем у законопослушных граждан. Наиболее значимые различия обнаружены в таких аспектах, как настойчивость, самообладание, моделирование, оценка результатов и общий уровень саморегуляции, что указывает на необходимость разработки специализированных программ, направленных на развитие навыков саморегуляции у осужденных.

Интересным результатом исследования стал выявленный более высокий уровень самостоятельности у осужденных по сравнению с законопослушными гражданами, что может быть связано с особенностями жизни в местах лишения свободы, где осужденные вынуждены принимать самостоятельные решения в условиях ограниченной свободы. Данный аспект требует дальнейшего изучения для понимания его роли в процессе их социализации.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки целенаправленных программ коррекции саморегуляции поведения осужденных. Рекомендуется внедрение тренингов и обучающих программ, направленных на развитие навыков планирования, моделирования, оценки результатов и повышение общего уровня саморегуляции.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать:

1. Изучение динамики изменения саморегуляции поведения осужденных в процессе отбывания наказания.
2. Исследование влияния различных факторов (длительность срока, тяжесть преступления, условия содержания) на саморегуляцию поведения осужденных.
3. Изучение взаимосвязи между уровнем саморегуляции и успешностью социализации после освобождения.

Ссылки на источники

1. Панин Л. Е. Системные представления о гомеостазе // Сибирский научный медицинский журнал. – 2007. – № 5. – С. 10–16.
2. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М., 2012. – 320 с.
3. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. – М.: Когито-Центр, 2015. – 297 с.
4. Гримак Л. П. Психология активности человека. Психологические механизмы и приемы саморегуляции. – М.: Либроком, 2010. – 769 с.
5. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. – М.: Наука, 2019. – 144 с.
6. Костин А. Н., Голиков Ю. Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности: монография / Российская акад. наук, Ин-т психологии. – М.: Ин-т психологии РАН, 2014. – 447 с.
7. Billen E., Garofalo C., Weller J. A. [et al.]. Bidirectional associations between self-regulation and deviance from adolescence to adulthood // Dev Psychopathol. – 2022. – Vol. 34. – № 1. – P. 335–344.
8. Чернышева Е. В. Пенитенциарная психология: учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 136 с.
9. Коноплева И. Н. и др. Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 27–41. DOI: 10.17759/psylaw.2022120203.
10. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. К вопросу о волевой саморегуляции осужденных // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2020. – № 2 (10). – С. 61–66.
11. Соболев Н. Г., Лобанова Е. С., Михайлов А. Н. Особенности волевой саморегуляции осужденных, готовящихся к условно-досрочному освобождению // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 190–197.
12. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека.
13. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / Московский гос. ун-т им М. В. Ломоносова, факультет психологии; [В. С. Бабина и др.]. – М.: МГУ, 1990. – 159 с.

Elena V. Kislitsyna,

Graduate Student, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

Yulya.kislitsyna.16@gmail.com

Lyudmila V. Donoga,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

donogaliudmila@gmail.com

Characteristics of behavior self-regulation in convicted persons

Abstract. The problem of behavior self-regulation among convicted persons is relevant in the context of the need for their successful further socialization and prevention of recidivism. The aim of the study was to determine the characteristics of behavior self-regulation in persons serving sentences in prison. As a result of empirical research, it was revealed that convicts demonstrate indicators of the general level of self-regulation and most of its components (planning, modeling, programming, evaluation of results, flexibility), as well as indices of perseverance, self-control and volitional self-regulation significantly lower than those of law-abiding citizens. At the same time, the indicator of independence among convicts is significantly higher.

Keywords: convicts, law-abiding citizens, self-regulation of behavior, general level of self-regulation, self-regulation components, indices of volitional self-regulation.

References

1. Panin, L. E. (2007). "Sistemnye predstavleniya o gomeostaze", *Sibirskij nauchnyj medicinskij zhurnal*, № 5, pp.10–16 (in Russian).
2. Konopkin, O. A. (2012). *Psihologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti*, Moscow, 320 p. (in Russian).
3. Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2015). *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka*, Kogito-Centr, Moscow, 297 p. (in Russian).
4. Grimak, L. P. (2010). *Psihologiya aktivnosti cheloveka. Psihologicheskie mekhanizmy i priemy samoregulyatsii*, Librokom, Moscow, 769 p. (in Russian).
5. Chesnokova, I. I. (2019). *Problema samosoznaniya v psihologii*, Nauka, Moscow, 144 p. (in Russian).
6. Kostin, A. N., & Golikov, Yu. Ya. (2014). *Organizacionno-processual'nyj analiz psihicheskoy regulyatsii slozhnoj deyatel'nosti: monografiya*, Rossijskaya akad. nauk, In-t psihologii, In-t psiho-logii RAN, Moscow, 447 p. (in Russian).
7. Billen, E., Garofalo, C., Weller, J. A. [et al.] (2022). "Bidirectional associations between self-regulation and deviance from adolescence to adulthood", *Dev Psychopathol*, vol. 34, № 1, pp. 335–344 (in English).
8. Chernysheva, E. V. (2023). *Penitenciarnaya psihologiya: ucheb.-metod. posobie*, Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, 136 p. (in Russian).
9. Konopleva, I. N. et al. (2022). "Osobennosti samoregulyatsii u osuzhdennykh, sovershivshih prestupleniya pri recidive", *Psihologiya i pravo*, t. 12, № 2, pp. 27–41. DOI: 10.17759/psylaw.2022120203 (in Russian).
10. Zautorova, E. V., & Kevlya, F. I. (2020). "K voprosu o volevoj samoregulyatsii osuzhdennykh", *Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk*, № 2 (10), pp. 61–66 (in Russian).
11. Sobolev, N. G., Lobanova, E. S., & Mihajlov, A. N. (2022). "Osobennosti volevoj samoregulyatsii osuzhdennykh, gotovyashchihsya k uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniyu", *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, t. 7, № 1, pp. 190–197 (in Russian).
12. Morosanova, V. I., & Bondarenko, I. N. (2015). Op. cit.
14. Babina, V. S. et al. (1990). *Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii*, Moskovskij gos. un-t im M. V. Lomonosova, fakul'tet psihologii; Moscow, 159 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	15.10.24	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	18.11.24
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	18.11.24	Опубликована <i>Published</i>	31.01.25

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Кислицына Е. В., Донога Л. В., 2025